

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.Л. Соломоновская

Новосибирский государственный университет

Отрывок из Корпуса Ареопагитик в переводах X–XI и XIV веков

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению двух славянских переводов одного отрывка Корпуса Ареопагитик, выполненных в X–XI и XIV вв. Отмечается достаточно высокая доля общей лексики (42%) и анализируются лексические и некоторые морфологические различия. Рассматриваются такие факторы, повлиявшие на выбор переводчика, как давление языковой системы, требования соответствующей переводческой школы (преславской или афонской) и личностные качества переводчика.

The paper deals with two Slavonic translations of an extract from Corpus Areopagiticum carried out in X–XI and XIV centuries. Although one can observe a certain degree of affinity in the lexis of both translations (42% of common lexemes), the focus of the research is their lexical and morphological differences. The factors influencing the choice of a particular variant are as following: the requirements of the language (dialect), those of a particular literary school (Preslav or Athos), and the linguistic personality and the skill of a particular translator.

Ключевые слова: Корпус Ареопагитик, славянские переводы.

Corpus Areopagiticum, Slavonic translations.

УДК: 811.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, кафедра английской филологии. Тел. (383) 3300862. E-mail: asolomonovskaya@mail.ru.

В учительном сборнике, известном в русской научной традиции как Изборник Святослава 1073, а в болгарской – как Симеонов сборник, помещаются вопросы и ответы Анастасия Синаита, в составе которых приводится небольшая цитата из Главы 7 трактата Псевдо-Дионисия «О Церковной иерархии». Сам сборник отражает преславские книжные нормы [Спасова, 1995], и вероятно, перевод этого отрывка принадлежит данной школе.

В разработанном Е.М. Верещагиным виде представления двух переводов одного текста (так называемый «билинейно-спатический метод») греческий текст и два его перевода – преславский и исайин – выглядят следующим образом:

Φημι	δὲ	τοῖς	λογοῖς	ἐπόμειοσ	ὡς	ὠφέλιμοι		
Глаголю	же	въслѣдоуа	<->	словеса	яко	оуспѣшны		
Глаголю	же	словесемъ		послѣдѣя	яко	полезны		
въ								
ἀμπλαν	εἰσιν	ἐν	τῷδε	βίῳ	τῶν	ἁγίων	αἱ	προσευχαὶ
сплтъ	<->	зѣло	сѣмь	житни	святыхъ			молитвы
отнѣдъ	сѣтъ	въ	семь	житин	святыхъ			молитвы

κατὰ по по	τουδε сеμοу снемъ	τον образου образѣ	τρόπον образу образѣ	εἰ нже аще	τις кѣ кто	ἱερῶν чѣстѣныхъ свѣщенныхъ	ἐφιεμενος желаѣ жела	δώρων даровъ даровъ
καὶ и и	πρὸς на къ	μετοχὴν приятѣе причастно	αὐτῶν нхъ нхъ	ἐξιν нравъ нмѣство	ἱερῶν чнстѣ свѣщенное	ἔχων нмын нмѣя	ὡς акы яко	τῆς тѣс
οἰκείας своея свою	ἐπιγνώμων хѣдошти <-> οὐβѣдѣвѣ	βραχύτητος разоумьникъ малостъ	ἐλθῶν пришьдѣ пришедѣ	ἐπὶ нѣ къ	τινα кѣ къ	τῶν κομου нѣкѣтороμου		
δοσίων прѣподобныхъ преподобныхъ	ἀνδρῶν мжжѣ мужнн	ἀξιώσειεν молнтѣ молнтѣ	αὐτὸν си его	οἱ быти быти	γενέσθαι нѣ къ	συλληπτορα помощьника спомощьника		
καὶ и и	συνικέτην съмолнтвѣника съмолнтвонника	ὠφληθήσεται οὐспѣхъ ползѣтса	πάντως вѣсакъ всяко	ἐκ отъ отъ	τούτου того сего	τὴν принимѣ всакѣ	πάσης всѣс	
ὑπερκειμένην прѣвѣсχοδѣшоу превѣсχοδѣщею	ὠφέλειαν пользѣ пользою	ἐπιτεύξεται полоичнтѣ полчнтѣ	γὰρ во во	ὧν нхъ же нхъ же	αἰτεῖ проситѣ проситѣ			
θειοτάτων βοжѣствныхъ божественныхъ	δώρων даровъ даровъ	ἀποδεχομένησ прнемлѣщи прнемлющен	αὐτὸν и его	τῆς н н	θεαρχικῆς богоначальнѣн богоначальничѣскон			
ἀγαθότητος благынн благостн	τῆς н н	τε и и	οἰκείας своемоу того	εὐλαβοῦς благочѣстьноуמוу благоговѣнноε	ἐπιγνωμοσύνης разоумѣ разѣмѣннѣ			
καὶ и и	τῆς спѣшоуμοу еже	ἐπὶ о къ	τοῦς н н	δοσίοις божѣствныхъ преподобнымъ	αἰδοῦς сѣмьнѣннѣ стыденнѣ	καὶ и и	τῆς тѣс	
τῶν προσινѣшнхъ просимѣхъ	αἰτηθεισων прошенныхъ просимыхъ	ἱερῶν чнстѣныхъ свѣщенныхъ	αἰτήσεων прошенин прошеннѣ	ἐπαινετῆς похвалнтѣлѣ хвалное	ἐφεσέως желаннн желаннѣ	καὶ и и	τῆς тѣс	
καταλλήλου равноуמוу подобное	καὶ и и	θεοειδοῦς боговндѣноуμοу боговндѣное	ἐξεως. нравѣ нмѣство	Ἔστι εсть εсть	γὰρ во во	καὶ и и	τοῦτο се се	
τοῦς богоначальнымъ богоначальнымн	θεαρχικοῖς сѣдѣвамъ (и) сѣдѣвомн	κρίμασι н сѣдѣвомн	νενομοθετημένον законѣмъ οὐσѣтановлено вѣзаконѣположеннѣ	τὸ яко же еже	τὰ н н			
θεῖα вожня божественнымъ	δῶρα дары даровъ	τοῖς (пропуск) достоннымъ	ἀξίοις н н	τοῦ н н	μετασχεῖν прнматн прнчаствоватн	ἐν вѣ вѣ	τάξει чнноу чннѣ	
θεοπρεπετάτη боголѣпнѣемъ боголѣпотномъ	δωρεῖσθαι дароватн дароватн сѣ	διὰ н н	τῶν н н	ἀξίων достоньнымн достоньнымн	τοῦ нмѣ же ε нмѣ же ε			
μεταδοῦναι. подѣятн преподаватн	Таύτην се снѣ	οὖν οὐβο οὐβο	εἰ нже аще	τις кѣ кто	ἀτιμάσει везѣчѣствѣтѣ обезчѣститѣ	τὴν чнстоε свѣщенное	ἱερῶν н н	

εὐκοσμίαν	καὶ	πρὸς	ἄθλιαν	οἴησιν	ἐλληλυθῶς	ἱκανὸν
доброуѣпіе	и	на	окаяное	мынѣние	пришьдѣ	довѣлнымъ
благоудвереніе	и	къ	окааннои	гордыни	пришедѣ	доволна
εαυτὸν	οἰηθείη	πρὸς	τὴν	θεαρχικὴν		ὀμιλίαν
сы самъ	мынѣти начынетъ	къ	тѣн	богоначальноуемоу		приближеннѣ
себе	възьмнитъ	къ		богоначальничьскои		весеѣдѣ
καὶ	τῶν	ὁσίων	ὑπερφρονήσει	καὶ	μὴν	εἰ
и		прѣподобныя	да прѣбвндитъ	къ	семоу же	тὰς
и		преподобныхъ	пренебрежетъ	и	оубо	аце
αἰτήσεις	ἀναξίας	τε	Θεοῦ	καὶ	μὴ	ἱεράς
про[мѣ]шени	аште неподобныхъ		богору	а	не	чистынхъ
прошенія	недостонна		богѣ	и	не	сващенна
αἰτήσοι	καὶ	τὴν	ἔφεσιν	τῶν	θείων	εἰ
просить	и	тѣн	желання	о	божествьныхъ	аште
въспросить	и		желаніе		божественыхъ	аце
μὴ	σύntonον	ἔχοι	καὶ	εαυτῶ	κατάλληλον	ἀποτεύζεται
оусьрда <->	не имать	и	и	себе	тъчна (то не)	полжчить
не	протяженно	имать	и	себѣ	подовно	погрѣшитъ
δι°	εαυτὸν	τῆς	ανεπιστήμονος	αἰτησέωσ		
	собож		нехытраго	прошенія		
	собою		нехѣдожьственаго	прошенія		

Г. Кайперт [Keipert, 1988] отмечает некоторые особенности перевода Изборника, в частности, пропуск небольшого отрывка, в котором речь идет о посредничестве «достойных» в передаче божественной благодати, что, по мнению ученого, приводит к нарушению иерархичности, столь свойственной Ареопагитикам. Немецкий исследователь также отмечает и некоторые языковые черты перевода: изменения в порядке слов, передачу одного слова словосочетанием, что было характерно для ранних славянских переводческих школ [Иванова-Мирчева, 1977]. Впрочем, нужно отметить, что переводчик в этом не совсем последователен, так как, передав греческий глагол *ὠφληθήσεται* словосочетанием *оуспехъ приметь*, он, стремясь так или иначе перевести все исходные лексемы (что свойственно Преславской и более поздним болгарским переводческим школам), не отказывается от перевода второй части исходного греческого словосочетания (*ὠφέλειαν*), введя таким образом «лишнее слово» в славянский текст. Исая же передает греческую *Figura etymologica* соответствующим славянским оборотом *ὠφληθήσεται ὠφέλειαν* - *ползѣтса пользою*. Еще одна черта раннего перевода – это отступления от принципа передачи греческих лексем славянскими эквивалентами той же части речи (например, *τῆς οἰκείας ἐπιγνώμων βραχύτης* передается *своея хѣдости разумьникъ* с изменением порядка слов и передачей причастия существительным; ср. вариант Исаяи – *свою оувѣдѣвъ малость*).

Несмотря на значительное временное расхождение между двумя переводами, можно отметить значительное сходство их лексического состава: из 147 греческих слов, так или иначе переведенных (включая переданные хотя бы в одном славянском тексте артикли) совпадают переводы 62 (42%) (включая повторяющееся словоупотребление и служебные слова). Одинаково оба переводчика передают различные служебные слова, местоимения, многие христианские термины (молитва, преподобный, божественные дары), т. е. ту базовую лексику старославян-

ского языка, которая вошла в него с первыми переводами и сохранилась почти в том же виде до наших дней. Некоторые совпадения, особенно производных слов, являются следствием пословного перевода, сохранявшего структуру исходной лексемы. Тем не менее, наблюдаются и различия в передаче отдельных лексем оригинала, которые и будут сгруппированы и рассмотрены далее. Объем статьи не позволяет подробно проанализировать их все, поэтому мы ограничимся лишь наиболее яркими примерами каждой группы.

В первую очередь следует отметить различия переводов, обусловленные развитием церковнославянского языка, в частности его видовременной системы, а также словоупотребления. Первая часть следующего микроконтекста иллюстрирует первое из указанных различий, а вторая дает возможность увидеть процессы, идущие в лексической системе церковнославянского языка.

Εἰ τις ἀτιμάσει τὴν Ἱεράν εὐκοσμίαν – оубо иже безъчествѣтъ чистое доброуѣние – оубо аще кто обезчеститъ священное благоудобрение. Корень и частично приставочная часть обоих славянских вариантов перевода греческого ἀτιμάζω («не уважать, не почитать, унижать») совпадают, наблюдаются различия лишь в суффиксальной оформлении и наличии дополнительной приставки в более позднем переводе, которые обуславливают и видо-временные различия. Обе лексемы зафиксированы в словарях: по данным ССС **вѣцъствовати** встречается в Супр., у Срезневского встречается та же лексема в ее более современном оформлении со ссылкой на Ефремовскую Кормчую. Второй, более поздний, вариант отмечается в Словаре русского языка XI–XVII вв. в значении «лишить чести, оскорбить» со ссылкой на памятник XV в. Модель образования [без- + именной корень + -ова] характерна для старославянского языка [Силина, 1974]. Комплекс **-ствова**, который А. Вайан рассматривает как сочетание двух суффиксов [Вайан, 1952], а В.Б. Силина как единую морфему [Силина, 1978], образовывал глаголы НСВ. Как отмечает последняя, переходность в этих случаях сопровождается конкретизацией значения (что можно видеть и в современном языке – ср. «чествовать кого-л.» как обозначение определенного ритуала). Греческий глагол можно в данном контексте понять как статично (некто не уважает заведенный порядок), так и динамично (наносит единичное оскорбление своим поведением). Видовременная система церковнославянского языка, прошедшая уже долгий путь за 300 лет между двумя переводами, требовала во втором случае глагола совершенного вида, который и образует Исая по привычной для него модели (о- + основа + ить). Если рассмотреть более широкий контекст, видно, что в переводе Изборника преобладает несовершенный вид, а у Исая – совершенный (ср. далее **мьнѣти начынетъ** vs **възъмнѣти**). Вторая часть рассматриваемого микроконтекста содежит два разночтения: *чистый-священный* и *добролепие-благоудобрение*. Рассмотрим сначала первую пару. Оба варианта перевода зафиксированы в ССС в соответствии с греческой лексемой, в том числе и со ссылкой на Супрасльскую рукопись. По данным И. Срезневского, **чистын** используется в основном в соответствии с καθάρως, хотя в его словаре фиксируется и значение «святой» в соответствии с Ἱερός в творчестве Иоанна Экзарха Болгарского, а также в переводе Григория Назианзина XI в. **Свѣщенный** же традиционно отмечен в соответствии с Ἱερός (в словаре со ссылкой на Пандекты Антиоха XI в.).

Как отмечает В.Н. Топоров, индоевропейский корень *svet еще в дохристианскую эпоху в славянских языках приобрел сакральную окраску. Такая «языческая сакральность», возможно, обусловила предпочтение, которое представители восточно-болгарской переводческой школы, в частности Иоанн Экзарх Болгарский отдавали лексеме **чистын** в соответствии с греческим Ἱερός и другими словами с тем же греческим корнем. Например, употребление наряду с заимствованием **иереи** слова **чистъ** в переводе толкований псевдо-Афанасия Александрий-

ского на Псалтырь отмечает А.А. Алексеев [Алексеев, 1999]; тот же исследователь отмечает, что пара **нєрен** – **чиститєль** является надежным критерием отнесения перевода к Охридской или Преславской школам соответственно [Алексеев, 1980]; Иоанн экзарх Болгарский в переводе *Богословия* Иоанна Дамаскина использует лексему **чистоудѣтель** (в цитате из Корпуса Ареопагитик, где у Исаяи впоследствии **свѣщеннослужитель**) [Макаров, Мильков, Смирнова, 2002]; Р. Цейтлин [1977] приводит дублиеты, переводящие Ἱερεὺς **нєрен**, **свѣтитєль**, **чиститєль**, причем последний характерен, по ее мнению, именно для преславской школы. Из приведенных фактов можно сделать вывод, что перевод Ἱερός и других слов с тем же корнем с помощью **чист-** является типичным для Преславской школы и в частности, творчества Иоанна экзарха Болгарского. Впрочем, в некоторых переводах, например, выполненном в рамках той же переводческой школы в переводе Номоканона XIV, известном в своем древнейшем списке как Ефремовская Кормчая, наблюдается варьирование двух славянских лексем в соответствии с греческим Ἱεροπρεπής – **чистолѣпный** и **свѣщеннолѣпный**.

В Древней Руси, может быть, в связи с так называемым «двоеверием», а может быть вследствие более позднего начала переводческой деятельности корень **svet* воспринимается как вполне адекватный эквивалент соответствующему греческому корню. Так, в древнерусском переводе XI–XII вв. *Повести о Варлааме и Иоасафе* наблюдается последовательность в употреблении καθάρως – **чистѣ** и Ἱερός – **свѣтъ**. В древнерусском переводе XII в. *Пандектов Никона Черногорца* также регулярно употребляются производные с корнем **свѣт-** в соответствии с Ἱερ- [Максимович, 1998]. В более поздних переводах и редакциях, как восточнославянских, так и в южнославянских, отмечается та же тенденция к закреплению **чистѣ** за καθάρως и **свѣ(тъ)** (–**цнь**) за Ἱερός. В полном славянском переводе Корпуса Ареопагитик, выполненном в рамках Афонской школы, инок Исаяя соблюдает уже окончательно сложившуюся традицию перевода вышеупомянутых греческих лексем.

Εὐκοσμία – **добролѣпіє** – **благоудовреніє**. Понятия добра, блага и красоты являются центральными для христианства в целом и для философской системы Ареопагитик, в частности. По данным словарей (Вейсман, Sophocles, Lampe, Liddell), из трех греческих лексем (и соответствующих им элементов сложений) – τὸ εὖ, τὸ ἀγαθόν, и κάλός – две первые используются в первую очередь для моральной оценки, а слово κάλός имело не столько этическое, сколько эстетическое значение («прекрасный»). В философской системе Ареопагитик эти два понятия сливаются воедино: «Абсолютное Благо является абсолютно прекрасным, самой красотой» [Бриллиантов, 1998].

На протяжении всей истории христианской славянской письменности перед переводчиками стояла непростая задача разграничить этическую и эстетическую составляющие, не нарушив при этом единства христианского абсолюта. Использование двух вышеуказанных корней на протяжении многовековой истории средневековых славянских переводов демонстрирует постепенное формирование системы, в которой этическая составляющая может передаваться обоими корнями, а эстетическая – лишь одним из них (**добро**). Уже в первых славянских переводах в соответствии с composita с первым элементом εὖ использовались сложения с **благо-**. Сложение с этим же элементом передавало греческое χάρις (**благодѣть** – перевод, характерный для первоучителей и охридской школы, **благодать** – вариант, характерный для Преславских книжников [Верещагин, 1996; Цейтлин, 1977]). Синонимическими словами и словосочетаниями с корнями *благ-* и *добр-* передавалось существительное ἀρετή (доблесть, добродетель) – так, у Иоанна Экзарха в переводе «Богословия» Иоанна Дамаскина: **добрѣ**, **доброта**,

благовольтство, изволение добро, благоволение [Трендафилов, 1996]. Таким образом, на первых этапах переводческой деятельности у славян корни *благ-* и *добр-* функционировали как синонимичные, хотя в сложениях преобладал первый из них [см. например, Низаметдинова, 1996]. В кирилло-мефодиевскую эпоху четких различий между *благ-* и *добр-* в соответствии с $\epsilon\upsilon-$ и $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\omicron-$ еще не наблюдается. Для передачи третьего из рассматриваемых греческих корней также используется **добр-** (в ССС приводится **добро** в соответствии с $\kappa\alpha\lambda\acute{\omega}\varsigma$). То же можно сказать и о Преславской переводческой школе, к которой, по-видимому, принадлежит переводчик отрывка в Изборнике 1073 (в рассматриваемом тексте – $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\omicron}\tau\eta\tau\omicron\varsigma$ – **благыни**, $\epsilon\upsilon\lambda\alpha\beta\omicron\upsilon\delta\varsigma$ – **благочъстьномоу**, $\epsilon\upsilon\kappa\omicron\sigma\mu\acute{\iota}\alpha$ – **добролѣпие**). Последний случай, однако указывает на начало формирования «эстетической» семантики элемента **добр-**. Вторая часть греческого сложения $\kappa\acute{\omicron}\sigma\mu\omicron\varsigma$ наряду со значением «порядок», актуализирующимся в данном контексте, имела значение «украшение». Возможно, на выбор переводчика повлияло именно это обстоятельство. В исторических словарях XI–XIV и XI–XVII **добролѣпие** приводится именно в значении «красота». Можно констатировать неполную адекватность данного переводческого решения, поскольку в контексте речь идет о благопристойности и соблюдении этических норм. В этом отношении перевод Исаяя более точен, хотя его вариант является искусственным и не вошел в исторические словари, оставшись окказионализмом.

Ряд отличий обусловлены принадлежностью переводчиков разным школам, хотя и генетически связанным, так как Преславская школа является «прародительницей» более поздних южнославянских переводческих школ. В частности, более раннему переводу свойственна большая вариативность (например, греческому $\delta\acute{\omicron}\sigma\iota\omicron\varsigma$ соответствуют в его переводе и **божествьныи** и **прѣподовьныи**). Исаяя же работает в рамках своей переводческой школы, стремящейся к закреплению одного эквивалента каждой греческой лексеме и морфемному соответствию оригинала и перевода. Афонский инок демонстрирует и более зрелое, последовательное отношение к передаче синтаксической структуры, что свидетельствует о более, если можно так выразиться, «филологическом» подходе к переводу, характерном для эпохи Возрождения в западном и Предвозрождения в славянском мире: $\text{Ἰσαΐου ἑαυτὸν ὀηθεΐη προσ τὴν θεαρχικὴν ὁμιλίαν}$ – **довѣлныиь сы самь мьнѣти начьнетъ къ богочалачьноуоумоу приближению – доволна себе възъмнѣти къ богочалачьноуоумоу вѣсѣдѣ**. Прежде всего необходимо отметить разную передачу греческого возвратного местоимения $\epsilon\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$, связанную, вероятно, с разными способами выражения логического субъекта всего предложения. Первый переводчик, передав $\epsilon\iota\ \tau\iota\varsigma$ – **иже**, по-видимому, чувствовал необходимость некоторого уточнения (обычно **иже** функционирует как относительное местоимение, указывающее на предшествующий субъект, или вводит субстантивированное словосочетание, содержащее таковой). Поэтому переводчик Изборника и вводит именительный падеж причастия (от **быти**) в качестве подлежащего. Исаяя же, который передал вышеупомянутое греческое словосочетание **аще кто**, не нуждается во введении нового субъекта. По-разному переводчики передают и греческий оборот *Ass. Duplex*. Аналитической формой будущего времени **мьнѣти начьнетъ** ранний переводчик передает форму $\acute{\omicron}\eta\theta\epsilon\acute{\iota}\eta$ от глагола $\acute{\omicron}\iota\omicron\mu\alpha\iota$ («думать, полагать»). Как и в ряде других случаев Исаяя здесь предпочитает синтетическую форму наст.-буд. Времени глагола СВ (ср. **безъчъствѣтъ – обезчестить, просить – възпросить**), что связано, с одной стороны, с более развитой к XIV в. видовременной системой славянского глагола, а с другой – с выработанной Исаяем конструкцией, предполагающей единичное гипотетическое дей-

ствии, описанию которого лучше соответствовал СВ (**аще кто ... възъзмннть ... пренебрежетъ ... възпроситъ**).

Личность переводчика также играла немаловажную роль в процессе переложения с одного языка на другой. Более ранний переводчик демонстрирует большую свободу творчества. Исаяя, в свою очередь, проявляет тенденцию к усложнению морфемной структуры слова по сравнению с греческим оригиналом. Следующий пример показывает большую степень свободы первого переводчика: **Ἐξίς** – **нравъ - имъство**. Греческое существительное (от глагола **ἔχω** – иметь) сочетает значения «обладать чем-либо» и «иметь какое-либо свойство, способность». В данном случае, в контексте **καὶ πρὸς μετοχῆν αὐτῶν ἔξιν Ἱερῶν ἔχων**) актуализируется второе из них (способность принять причастие). Это хорошо чувствует первый переводчик, который передает рассматриваемое сочетание **нравъ чистъ**. Такой перевод можно назвать «эйдетическим», то есть передающим образ, возникающий при чтении греческого оригинала, если пользоваться терминологией А.М. Камчатнова [Камчатнов, 1998]. Как бы не назывался такой подход, переводчик проявляет некоторую свободу творчества, он не следует буквально за структурой греческого слова, создавая точный его слепок, как это делает Исаяя. Правда, при этом, раннему переводчику не удалось передать стилистический прием, *Figura etimologica*, основанный на использовании однокоренных слов, что удалось книжнику XIV в. Калька Исаяи была, если так можно выразиться, «мертворожденной». В словарях **имъство** присутствует только со ссылкой на Археологический институт и связанные с Корпусом памятники, что не удивительно, поскольку в церковнославянском и древнерусском языках были слова **своиство** и **качество** с близким значением. Лексема с тем же корнем, но другим суффиксальным оформлением **имѣние** (в значении «обладание от природы каким-либо свойством») фиксируется в Изборнике 1073 в соответствии с тем же греческим словом [Камчатнов, 1983]. В дальнейшем, по-видимому, датируемые примерно тем же временем **своиство** и **качество** взяли на себя это значение, а **имѣние** постепенно приобрело современное значение. Что же касается **имъство** и его словообразовательного варианта **имъствие** (отмеченного Н.Г. Николаевой в другом трактате Корпуса – «О Божественных именах»), то они так и остались авторскими образованиями, вошедшими в словари лишь благодаря популярности Корпуса Археологического института.

Хотя в соответствии с принципами его школы Исаяя часто калькировал греческие слова, иногда он выбирал вариант, более сложный с точки зрения морфемного состава, чем оригинал: **τῆς θεαρχικῆς ἀγαθότητος** – **богочалничи блггынн - богочалничьскои благости**. Возможно, здесь проявляется индивидуальное пристрастие переводчика к более «высокому», по его мнению, стилю, подобающему переводу одного из Отцов Церкви. Впрочем, в переводах Исаяи, встречаются оба словообразовательных варианта.

Наконец, переводчики могли по-разному, иногда с определенным на то основанием, а иногда ошибочно понять какое-либо греческое слово, что также порождало разночтения в переводе. Рассмотрим первый случай: **ὡς οἰκείας ἐπιγνώμων βραχύτης** – **яко своя хѣдости разумникъ - яко свою оувѣдѣвъ малость**. Греческую форму **ἐπιγνώμων** можно понять и как действительное причастие от **ἐπι-γινώσκω** «познавать», и как омонимичное и однокоренное существительное со значением «судья, оценщик». Обе эти возможности реализуются в двух славянских текстах. Переводчик отрывка в Изборнике выбрал второй вариант (и таким образом на первый план выходит *самооценка* человека). Исаяя, воспринимая данную форму как причастие, придал этой фразе несколько иной смысл – не постоянно осознаваемое человеком свое место в этом мире, а некое прозрение, вполне возможно, внезапное, под влиянием каких-либо внешних

факторов. Перевод греческой формы существительным или причастием диктовал и соответствующую структуру словосочетания родительный падеж существительного **хѹдость** в первом случае или винительный прямого дополнения от **малость** во втором.

В следующем примере более ранний переводчик ошибся в понимании греческой формы: *ἀίτηθεΐσων Ἱερῶν ἀτήσεων ἐπαινετῆς ἐφεσεως* – **прошенныхъ чистныхъ** прощении **похвалитель** желании – **просимыхъ священныхъ** прошенія **хвалное** желаніе. Если не учитывать контекст и ударение *ἐπαινετῆς* его можно ошибочно понять как существительное *ἐπαινέτης* «хвалитель, панегирист», что и делает первый переводчик, внося тем самым некоторую сумятицу в текст. Исаяя здесь действует более квалифицированно, чем его предшественник, учитывая непосредственный контекст греческой лексики и ее форму (Gen. sing. fem. прилагательного).

В целом сравнение лексического состава переводов, выполненных с трехсотлетним временным разрывом плодотворно для изучения истории церковнославянского языка, славянских переводческих школ, а также языковой личности средневекового книжника, так как каждый переводчик руководствовался современными ему нормами и традициями передачи отдельных греческих слов, требованиями соответствующей школы и своими собственными представлениями о стиле и красоте.

Литература

- Алексеев А.А. «Песнь песней» в древней славянской письменности: В 2 ч. М., 1980.
- Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Бриллиантов А.И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. М., 1998.
- Верещагин Е.М. Христианская книжность Древней Руси. М., 1996. С. 1–313.
- Иванова-Мирчева Д. К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX–X до XIV в. // Старобългаристика. I (1977). № 1. С. 37–48.
- Камчатнов А.М. Текстология и лексическая вариативность в Изборнике Святослава 1073 г. и его списках. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 1983.
- Камчатнов А.М. История и герменевтика славянской Библии. М., 1998.
- Макаров А.И., Мильков В.В., Смирнова А.А. Древнерусские Ареопагитики. М., 2002.
- Максимович К.А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII в. Юридические тексты. М., 1998.
- Низаметдинова Н.Х. Греческие словообразовательные модели в истории русского словосложения // Классическая филология на современном этапе. М., 1996. С. 301–311.
- Николаева Н.Г. Словообразовательная синонимия имен отвлеченного значения в языке перевода трактата Дионисия Ареопажита «О божественных именах» (XVI в.) // История русского языка. Словообразование и формообразование. Казань, 1997. С. 182–189.
- Силина В.Б. Глаголы с суффиксом –ова–, образованные от имен существительных со значением действующего лица в древнерусском языке XI–XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 138–155.
- Силина В.Б. Глаголы состояния с суффиксом –ова– в древнерусском языке XI–XIV вв. // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1978. С. 53–84.

Спасова М. Откъсите от слова на св. Григорий Богослов в Симеоновом сборнике (по преписа от 1073 г.). Текстологични и лексикални проблеми // Палеобалканистика и старобългаристика. Първи есенни ниционални четения «професор Иван Гльбов». В. Търново, 1995. С. 43–78.

Топоров В.Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – *svęť // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 184–252

Трендафилов Х. Переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина в русской и славянской филологии // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1996. С. 658–659.

Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. М., 1977.

Hristova Tsvetelina H. Translations of Pseudo-Dionysius from Historical Perspective: the Excerpts in the Symeonian Florilegium from 1073 Compared to Isaja's Translation (conference paper, unpublished).

Keipert H. Veliky Dionisie sice napisa: Die Übersetzung von Areopagita-Zitaten bei Euthymius von Tarnovo // Търновска книжовна школа 2 Ученици и последователи на Евтимий Търновски. София, 1980. С. 326–350.

Словари

Вейсман – Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991

Двор. – Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. М., 1958.

Сл. XI–XIV – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1988, 1991.

Сл. XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 26 вып. (издание продолжающееся).

Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. М., 1989.

ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.

Sophocles – Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Period. NY, 1992 (first edition – 1914)

Liddel – Liddel H.G., Scott R. A Greek English Lexicon. Oxford., 1996.

Lampe – Lampe G.W.H., D.D. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.